

## АННА ИВАНОВНА АБРИКОСОВА

Из воспоминаний ее старшего брата  
АБРИКОСОВА Дмитрия Ивановича

Анна Ивановна родилась в семье сына знаменитого в России фабриканта, производящего сладости (конфеты, пастилу, джемы). Дед (основатель дела) Абрикосов Алексей Иванович был замечательной личностью. Он был родоначальником семьи, из которой вышло потом много знаменитых людей России: физиков, философов, врачей, землевладельцев, дипломатов. Я всегда поражался эволюцией купеческих семей в Москве, которая до перенесения столицы в 1917 году была единственным коммерческим городом. Обычно происходя из семьи мелких купцов, которые мало чем отличались по сути от общей массы крестьян, умный, энергичный человек, благодаря своим усилиям, добился большого успеха. Он строил фабрики, нанимал сотни рабочих; обосновался в Москве, но много путешествовал и, хотя и не имел специального образования, начинал принимать участие в культурной жизни, покупая картины, основывая галереи, больницы и клиники. Таким образом, за одну жизнь он проходил путь от простого крестьянина до культурного человека. Его сыновья интересовались уже не только коммерцией, все они кончали университет, покровительствовали ученым и художникам или пытались вести жизнь настоящих землевладельцев в старых поместьях, купленных у дворян. Их жены уже стеснялись коммерческой деятельности своих мужей и становились известными личностями в обществе. Приглашая ученых и художников в свои салоны. третье поколение делало еще шаг вперед в сторону карьеры, независимой от коммерческой деятельности или ведя свободный образ жизни, как правило, поддерживая передовые направления политики и искусства, расточая то, что было накоплено тяжелым трудом дедов и отцов.

Наше семья прошла аналогичный путь развития.

Семейный бизнес начался в 1812 году еще до нашего деда, но ничем не выделялся из общей массы. Его основатель не имел ни возможностей, ни стремлений оставить след в истории. Алексей Иванович был первым из Абрикосовых, который выступил из безвестности и стал одним из знаменитых предпринимателей в Москве. Он дожил до 85 лет и пожилые годы производил впечатление высоко образованного человека. Мы, дети, обычно видели его за чтением какого-нибудь исторического труда.

В моем деду не было ничего ничтожного. Во всех своих поступках он проявлял благородство и был весьма умерен в своих персональных желаниях и никогда не уподоблялся большинству московских разухабистых купцов, единственной целью которых была нажива. Лучшим свидетельством о характере моего деда может служить тот факт, что он прожил с моей бабушкой больше 50 лет, отпраздновал золотую свадьбу в 1899 году и родил с ней 22 ребенка. А при этом ее тиранический характер, жестокое обращение с детьми и ее малообразованность совершенно не подходила к нему. В те времена религиозные люди, а мой дед был глубоко религиозный человек, верил в священные узы брака и был достаточно тверд, чтобы нести этот крест для того, чтобы спасти семью от разрушения. Я всегда чувствовал, что мой дед может служить примером опоры Трона и Ортодоксальной Церкви. К сожалению, эволюция классов и общества в России происходила так быстро, что следующее за дедом поколение уже было равнодушно к традициям, а третье поколение, за немногим исключением, примкнуло к интеллигенции, оппозиция которой к старым авторитетам и совершенно ненормальное стремление к переменам и привело к тому, что старая Россия превратилась из оплота мировой стабильности в центр коммунистической Революции и

разрушения. Счастье, что дед не дожил до Революции. Он верил в стабильную и созидательную жизнь, которая и позволила ему достигнуть выдающегося положения в обществе. В своей борьбе за лучшее место в обществе он не пользовался ничьим расположением, добился всего благодаря собственным усилиям. Крушение жизни, которую он сам создал, было бы для него непереносимым бедствием. Я помню, какое значение он придавал тому, что пошел по стопам отца и стал клерком в немецкой фирме, где он учился иностранному способу ведения дел, и уже потом сумел воспользоваться этими знаниями в своем деле.

Расширяя постоянно свое дело, он возлагал свои надежды на своих двух старших сыновей, Николая и Ивана (Николай Алексеевич, дядя, в семье которого после смерти Ивана Алексеевича воспитывались дети — Алексей, Дмитрий, Борис, Иван и младшая Анна). Но старший сын (Николай Алексеевич), как это часто бывает, унаследовав разум и благородства своего отца, не имел интереса к деланию денег. Он окончил Московский университет, естественный факультет, и его поприщем была научная работа. Не желая расстраивать отца, он вынужден был работать на фабрике, как член совета, оставаясь в конторе необходимое число часов, но остальное время он проводил либо в библиотеке, либо в лаборатории Университета. После смерти отца и после того, как его дети стали самостоятельными, он окончательно забросил бизнес и уехал в Париж, где, несмотря на преклонный возраст, прослушал курс лекций в Сорбонне. Возвратясь в Россию перед Первой мировой войной, он с женой был "пойман" Революцией и лишился всего.

Из всех сыновей моего дела только мой отец (он же отец Анны) — Иван унаследовал его коммерческую сметку. Я помню его смутно, так как он умер, когда мне было 5 лет. Но я помню, что он был исключительно красивый мужчина, всегда веселый, полный жизни и любимый всеми. Когда дедушка препоручил дело двум старшим сыновьям, отец, несмотря на свою молодость, посвятил всю свою короткую жизнь его развитию. Рабочие обожали его и сохраняли о нем долгую память. Один из них со слезами на глазах рассказывал мне, каким замечательным человеком был мой отец, когда я посетил фабрику, уже будучи взрослым. Рабочие были очень разочарованы, узнав, что ни я, ни мои три брата не пошли по стопам отца.

Нашу мать я помню еще хуже, чем отца, — она умерла за 9 дней до него. Они всегда хотели иметь дочь к своим четырем сыновьям (Алексей, Дмитрий, Борис, Иван), их чаянья осуществились (родилась Анна Ивановна Абрикосова), но наша мать погибла родами. Мой отец уже был на смертном одре и никогда не узнал о ее кончине. Причиной его смерти был туберкулез горла, произошедший, как говорили (тогда) врачи, от контакта с грязными деньгами. Цветущий мужчина, едва достигший 30, окруженный любящей семьей и друзьями; блестящее будущее открыто пред ним, вдруг какой-то кусок грязной бумаги, легкая боль в горле, и мгновенный туберкулез пожирает его жизнь. Ничего не помогло отцу: ни лучшие доктора, ни чудотворная Икона Божьей Матери, принесенная из Иверского монастыря.

После смерти наших родителей нам сообщили, что наш дядя (Николай Алексеевич), по просьбе отца, будет нашим опекуном. В течение всей своей жизни дядя делал все, чтобы исполнить его последнюю волю. Взятые в семью дяди сразу после похорон, мы стали сразу членами семьи, которая к этому моменту из трех мальчиков и двух девочек нашего возраста. Ни дядя, ни тетя не делали различия между нами и собственными детьми, и мы вскоре стали относиться к ним как к родным отцу и матери (Дмитрий Иванович далее называет их "мать" и "отец"). Так как мы плохо помнили своих родных родителей, мы вступили в новую

жизнь, меньше всего думая о том, что мы сироты. Когда я стал уже взрослым, я часто спрашивал себя, как они, еще совсем молодые люди, согласились удвоить свою семью. Ответ заключался в том, что у них обоих был изумительный характер. Как я уже говорил, отец не имел пристрастия к бизнесу и проводил все свое свободное время в лаборатории и библиотеке. Общение с высшей материей сделало его совершеннейшим философом. Он встречал все трудности и пертурбации своей жизни с абсолютным спокойствием. Он никогда не сожалел о том, что могло бы быть, и всегда принимал жизнь так, как она есть.

Моя тетка, с которой он прожил 53 года, была главной опорой его жизни, была замечательно красива и имела дивный характер. У нее было 11 детей (6 своих и 5 приемных) и множество нянек, гувернанток, домоуправительниц и друзей. Все вспоминали о ней с благодарностью. Она происходила из Кяхты и была дочерью богатого купца-чаеоторговца, который вел свое дело с Китаем (они переехали в Москву, когда ее отец ослеп, и жизнь в Кяхте стала невозможной).

Наше детство проходило в атмосфере настоящего доверия и любви. Мы жили в большом доме, который раньше принадлежал моему деду, который к этому времени построил для себя новый дом. У нас был большой сад, из которого была видна церковь, покрашенная в красное и белое. Дом был не только очень старым, пережившим Наполеоновское нашествие и пожар в Москве, но он был когда-то полицейским участком и в его подвалах были камеры, где держали преступников. Камеры были соединены с церковью подземным ходом, и преступники могли посещать церковь, не выходя на улицу. Когда мой дед купил этот дом, то стены камер сохраняли следы колец и цепей. Мы, дети жили в бесчисленных комнатах нижнего этажа под присмотром нянек и гувернанток. Стены были такими толстыми, что мы спокойно могли играть, сидя на подоконниках. Родители жили на втором этаже, который перестроил дед, там была комната для приемов, бальная зала и так далее.

По окончании университета я отправился в Англию, чтобы сопровождать туда мою сестру Анну. Она окончила школу и решила поступать в Гиртонский колледж в Кембридже. В те дни девушки думали не о развлечениях, а об образовании, они поступали в университет, изучали медицину, участвовали в политической жизни. Моя сестра не была исключением из общего правила и под влиянием англичанки-гувернантки выбрала для учебы английский колледж. Вся семья искренне ободряла это решение, кроме того, это должно было ее спасти от участия в политике, столь популярном у серьезных девушек того времени. После визита к принципалу Гиртоновского колледжа, во время которого я убедился, что в колледже действуют строгие правила, которые в России были бы расценены студентами как тирания и, несомненно, вызвали бы митинги протеста, я покинул мою сестру и уехал в Москву. Во время моих последующих визитов в Англию Анна стала моим ближайшим другом. Я гордился ею. Она была блестящей девушкой, и я всегда надеялся, что она встретит достойного человека, и что у нее будет счастливая, блестящая жизнь. Но судьба (рок) распорядилась иначе. Кончив колледж, она вернулась в Москву и там влюбилась в нашего кузена Владимира, по моему мнению, полное ничтожество. В каких-то вещах он даже нравился мне, и я бывало, говорил, что у него есть все мои недостатки, но нет моих добродетелей. Когда Анна написала мне в Англию о своих чувствах, я ужаснулся и прямо написал ей, что, с моей точки зрения, это безумие. Я даже написал нашему дяде и просил его, чтобы он прекратил эти глупости, но он, со свойственной ему философичностью, отвечал мне, что эта любовь связана с притяжением натур сильных к натурам слабым, и поэтому в их любви всегда были затронуты материнские чувства.

Безрезультатно я пытался влиять на решение моей сестры, не щадя в своих письмах объект ее обожания. Результатом этого было ее короткое откровенное письмо, в котором она отвечала мне, что я забыл одну вещь, а именно, что она любит Владимира. Это был конец нашей дружбы.

После своей женитьбы сестра и ее муж уехали в Рим, и мы долго ничего не знали о них, кроме того, что Владимир изучает раннее христианское искусство. Годом позже мы узнали, что они оба перешли в католичество. Это было большим ударом для нашей семьи, особенно, для старшего поколения, поскольку они себя считали опорой ортодоксальной Церкви (старшее поколение Абрикосовых были старообрядцами и очень религиозным). Напрасно семья надеялась, что они, по крайней мере, будут оставаться в Риме.

Поскольку они приняли католичество, они были отправлены Ватиканом обратно в Москву пропагандировать католицизм. Во время одного из моих возвращений (в Москву) я видел их. Они очень изменились. Моя сестра, которая всегда была широких взглядов, теперь внушала каждому, что ее правда высшая. Она была очень сердечна с каждым, но относилась с жалостью ко всем, кто не достиг счастливого состояния узнать Истину. Стремясь просветить тех, кто хотел быть просвещен, она за годы собрала значительное число последователей, особенно среди истерических дам, которые не знали, чем себя занять. Зараженный такой верой, ее муж превратился из молодого хлыща, постоянно любовавшегося собой в зеркале, в Савонаролу, готового осудить любого, кто не разделял его убеждений. Я старался вернуть нашу былую дружбу, но скоро почувствовал, что у нас нет ничего общего. Я продолжал любить реальную жизнь, а для нее имело значение только путь, который помог бы ее наперсницам прийти к Истине.

Годом позже я лежал в католическом госпитале в Пекине. Когда одна из монашек, ухаживающая за больными, умерла от тифа, то другие монашки, к моему величайшему удивлению, обрадовались, говоря, что их сестра теперь присоединилась к Христу. Я был совершенно сражен их верой и, когда одна их монашек попыталась обратить меня в католичество, я ей отвечал, что это невозможно, пока я жив, и не потому, что я считаю свою религию верной, а потому, что мое детство и жизнь связаны с православием; но, если я умру в этом госпитале, я готов стать католиком, чтобы сделать им приятное. На это она ответила мне, что мои слова обязывают ее молить Господа о моей смерти. Я заметил, что это довольно странный госпиталь, где сестры молятся о смерти больных.

конечно же правы и она присоединяет свои молитвы к их молитвам.

Моя сестра и мой кузен в своем служении новой религии пошли дальше, чем просто новообращенные и проповедники. Католическая Церковь, разрешенная в России, решила, что женатая пара без детей может быть разведена для получения сана. Сестра и ее муж и сделали это. В результате он принял сан священника, она стала монахиней-кармелиткой, и они продолжили работу в России.

Революция принесла им надежду, что страдания, которые ее сопровождали, очистят погрязших в материальном русских людей и поведут их к духовной жизни. Когда большевики победили и вернулись в Москву, к этому времени моя сестра, возглавлявшая группу монахинь-кармелиток, договорилась о работе в тюрьме, где содержалось много католиков в совершенно невыносимых условиях. Когда Советы начали войну против Польши, она и ее монашки были арестованы по подозрению в шпионаже в пользу Польши. Никто не защитил ее от этих абсурдных обвинений, и она была осуждена на 10 лет одиночного заключения в Сибирь, а другие монахини были рассеяны в ссылки по разным районам

Сибири; ее муж оказался более счастливым — ему было приказано покинуть Родину.

Он уехал в Рим, а оттуда в Париж, как священник отдельной Русской Католической Церкви. Свободный от влияния моей сестры, он вскоре отказался от католицизма, его даже видели в барах Парижа. О моей же сестре никто не слыхал в течение десяти лет, и даже мой старший брат, ставший в Советах видным ученым, не мог ничего сделать, чтобы помочь ей. Затем она внезапно появилась в Москве. Родственники, которые видели ее, написали моей тетке в Париж, что она производит впечатление святой.

Она не произнесла ни одного слова жалобы, но из того, что она говорила, можно было заключить, что условия жизни в маленькой деревне, занесенной снегом, были ужасны, там она почти умирала от рака, и была прооперированна местным человеком, который не имел нужных инструментов. Ее вера поддерживала ее. Советы разрешили ей вернуться в центральную Россию с условием, что она прекратит религиозную пропаганду. Ничто не могло остановить ее, как всегда. Она была вновь арестована, посажена в тюрьму, где и умерла. До самого своего смертного часа она не думала о себе и поддерживала своей верой других заключенных. Такой была судьба этой замечательной женщины. Когда я был в Японии, один католик говорил мне, что он прочел в католическом журнале, что Церковь собирала все факты ее жизни для того, чтобы решить вопрос о причислении ее к лику святых Католической Церкви. Как Рок играет человеческой жизнью!

Семья богатых купцов, считающихся в своем городе столпом Старообрядческой Церкви, честолюбивая девочка, стремящаяся построить свою собственную жизнь, английский университет, нежелательный брак, визит в Рим, потрясенность Католической Церковью, полная трансформация мышления, возвращение в Россию, постриг, Революция, арест, 10 лет одиночного заключения в Сибирь; возвращение в центральную Россию, постриг, повторный арест, смерть и, как апофеоз, — возможное причисление к лику католических святых. Кто мог в это поверить, мог ли кто-нибудь предсказать такое? Моя сестра сама бы назвала это снами сумасшедшего.

\* \* \*

Анна Ивановна Абрикосова родилась, если исходить из воспоминаний ее старшего брата Дмитрия Ивановича Абрикосова, в 1881 или 1882 году в семье второго сына знаменитого в России производителя сладостей — фабриканта Алексея Ивановича Абрикосова. Фабрика существует и по сей день (фабрика имени Бабаева) и производит все то, что производила в конце века, когда была первой в Москве «паровой» фабрикой, построенной по самому последнему слову техники. Абрикосовы были не только преуспевающими производителями, но и меценатами: на их деньги устраивались коммерческие школы, больницы, родильные дома (родильный дом № 6, бывший имени Крупской, ныне Агрипины Абрикосовой), на работу в которых были привлечены крупные ученые того времени. За свою деятельность Алексей Иванович был пожалован дворянством. Уже его дети, а их было 22 (во всяком случае, мальчики) получили высшее образование. Семья Абрикосовых в разных поколениях подарила России много замечательных людей, и все они были совершенно нетривиальными личностями. Среди них были и талантливые предприниматели, и религиозные деятели, и крупные ученые, и дипломаты, и юристы, и толстовцы.

После почти одновременной гибели родителей (мать Анны погибла ее родами, а отец умер от скоротечной чахотки) она и ее 4 старших брата: Алексей, Дмитрий, Борис и Иван, — воспитывались в семье их дяди, Николая Алексеевича, у которого к тому моменту было также 5 детей такого же возраста. Дети росли в атмосфере «истинной доброжелательности и любви», и их приемные родители не делали разницу между ними и родными детьми. Дмитрий Иванович, из воспоминаний которого и почерпнуты эти сведения, называет их отцом и матерью. В предисловии к своим воспоминаниям Дмитрий Иванович пишет, что после того как о Старой России было написано столько глупостей, он считает своим долгом написать, как счастливой была для них эта их детская жизнь. В воспоминаниях есть прелестные описания летней жизни на подмосковной даче, которую они называли Дубы.

Все мальчики, и родные, и приемные, кончили университет. Из родных братьев Анны Ивановны Алексей Иванович стал крупным ученым-патологоанатомом; Дмитрий — первым в России дипломатом не дворянского происхождения; Борис — юристом, широко известным в Москве, Иван — математиком. Алексей и Борис остались в России, Дмитрий не вернулся из Японии в 1925 году, где работал в посольстве, скончался 4 ноября 1951 года в США. Иван умер в Канаде, по-видимому эмигрировал сразу после революции.

Из воспоминаний Дмитрия Ивановича очевидно, что о детях заботились и любили. Летние каникулы они проводили за границей в Дубах, которые они очень любили. Ниже приведены фрагменты из книги воспоминаний Дмитрия Абрикосова, касающихся их общего с сестрой детства и его воспоминания о ней. И хотя несомненно, что он не разделяет ее убеждений, он любит ее и страдает из-за того, что ее жизнь была столь трагической. Может быть поэтому, его оценка Владимира Абрикосова не слишком объективна.

Двоюродные внуки  
Анны Ивановны

Абрикосов Алексей Алексеевич  
Абрикосов <нрзб.> Юрьевич